

В Диссертационный совет
Д 503.001.01 на базе федерального
государственного научно-
исследовательского учреждения
«Институт законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской
Федерации»

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Власовой Наталии Викторовны на тему «Добровольное представительство в международном коммерческом обороте», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Актуальность выбранной Автором темы и проведенного исследования не вызывает сомнений. Существенная часть международного коммерческого оборота совершается при помощи агентов-представителей и агентов-посредников (не менее 30% от всего объема импортируемых товаров в ЕС и США только на основе официальных статистических данных), а институт доверенности является наиболее распространенным в мире способом совершения юридических действий в иностранных государствах, не меняя своего места нахождения. Кроме того, в правоприменительной практике российских и иностранных судов также встречаются сложные и дорогостоящие споры, в которых рассматриваются вопросы об определении применимого права к отношениям, в которых стороной выступает иностранный коммерческий агент или принципал.

Представленная диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих 10 параграфов, и заключения, которые обладают внутренним единством. Автор приводит внушительный список используемых источников и литературы, который включает публикации в ведущих иностранных изданиях, что свидетельствует об основательности проработки материала. Нет сомнений в

том, что данный труд написан Автором самостоятельно, поскольку многие идеи обсуждались и затрагивались им ранее в научных публикациях.

Следует отметить хорошее сочетание примененных в ходе исследования методов, которые позволяют раскрыть тему и вывести основные тенденции и закономерности для последующих предложений о совершенствовании и унификации институтов представительства и агентирования в международном коммерческом обороте.

В первой главе 1 «Понятие, виды, особенности правового регулирования добровольного представительства в международном коммерческом обороте» Автор исследует природу представительства, приводит собственное понимание понятия и видов представительства в российском и зарубежном праве, классифицирует источники правового регулирования добровольного представительства в международном коммерческом обороте.

Отличительной чертой данной работы является применение Автором термина представительства в самом широком смысле так, что им охватывается и представительское (представитель и представляемый), и обязательственное (поверенный/агент и принципал) правоотношение, при этом внутренняя и внешние стороны такого представительства имеют также двойную природу: отношения между представителем и третьим лицом, возникающие из применения первым полномочия, и отношения между поверенным/агентом и третьим лицом в пределах исполнения поручения принципала.

Названный выше подход в основном свойственен авторам англо-американских научных работ, в которых термин «представительство» (или «заместительство») неразрывен от агентирования (агентства), однако он позволяет всесторонне определить наиболее острые проблематики унификации названных сторон и природу этих отношений, что вполне подходит для представленного исследования и подтверждается выводами на 134 странице диссертации.

Интересно, что в первом параграфе «Понятие и виды представительства» проведено разграничение представительства и посредничества, при котором Автор приходит к выводу о том, что представительство является составной частью посредничества. Хотелось бы уточнить, является ли посредничество в данном случае экономической категорией или же речь идет о разделении на группы посреднических и представительских договоров? Далее, выделяя «внешнее» и «внутреннее» отношение представительства, диссертант делает вывод, что преодоление различий правового регулирования на примере отдельных иностранных правопорядков «возможно путем обращения к методам правового регулирования, известным международному частному праву» (стр. 45).

Во втором параграфе «Особенности правового регулирования добровольного представительства в международном коммерческом обороте» приводится описание и общая характеристика унифицированных правовых источников о трансграничном коммерческом представительстве, которые, по сути, и закладываются в основу всего исследования.

На 49 странице Автор приводит собственное представление о классификации унификационной деятельности. Так, унификация права в области коммерческого представительства разграничена Автором по способу и предмету правового регулирования, субъекту правотворчества, территориальному действию, степени сближения унифицированных предписаний. В этой части выделяется научная новизна в классификации известных явлений, которая может быть полезной в процессах познания и обучения.

Далее в рамках раскрытия общей характеристики унифицированных правовых источников в области трансграничного коммерческого представительства Автор представляет материал одновременно по коллизионному и материальному регулированию, который в силу сложности сопоставления в основном удается проанализировать в ретроспективном

взгляде. Более детальный анализ и сопоставление унифицированных норм, однако, приводится в следующих главах диссертации, что отвечает логике изложения материала в их последовательности.

Автором выявлена «тенденция использования вненациональных правовых регуляторов в создании единого правового режима представительства» в отсутствие действующих унификационных межгосударственных актов. Относительно научно-терминологических рекомендаций хотелось бы заметить, что может показаться непонятым термин «регулятор», который обычно в международной и европейской практике принято применять к органу власти, а не к источнику права, Автор же применяет его и к тому, и к другому, (стр. 62), что, впрочем, сильных сложностей не вызывает, но требует пояснения с его стороны.

Исходя из определенных Автором характеристик унифицированного материально-правового регулирования коммерческого представительства, проблем корреляции соответствующих актов между собой, делается обоснованный и вполне очевидный вывод о сохранении значения коллизионного метода регулирования этих отношений. Таким образом, подкрепляется основополагающий для исследования вывод об актуальности применения коллизионного и материально-правового методов для решения проблемы различия правовых норм в части отношений представительства.

Вместе с тем, сложно согласиться с Автором в части его утверждения, что не удалось достичь единообразия и правовой определенности в вопросах регулирования трансграничных отношений представителя и представляемого между собой и с третьи лицом.

Во-первых, выделяется неопределенный масштаб сферы регулирования (достичь на уровне ЕС/ЕАЭС/ООН?).

Во-вторых, на 56 странице диссертант отмечает, что только Модельные правила европейского частного права учитывают внешние и внутренние отношения представительства, однако по какой-то причине не принимает во

внимание свои выводы, сделанные в ходе своего анализа на 53 странице, и подробное описание исторической линии развития отношений от Женевской конвенции (1983 года), затем европейской директивы (1986 года) и последующих Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципов европейского договорного права. Так, при прочтении этой части исследования можно заметить, как происходит эволюция идей и договоренностей относительно унификации представительства и агентирования, кроме того, современные типовые контракты ИСС практически полностью соответствуют последним актам анализируемой унификации. Здесь, по всей видимости, можно было уточнить выводы в той части, что фрагментарно (и регионально) отдельные цели и задачи были решены, однако в трансграничных (в частности в коллизионных) аспектах остались и нерешенные. Поэтому можно согласиться с Автором, что в части унификации отношений между представителем и третьим лицом в связи с осуществлением действий в пределах, предоставленных представляемым полномочий остается множество нерешенных правовых вопросов.

Кроме того, на 60 странице исследования при прочтении складывается впечатление, что М.В. Мажорина, на которую ссылается Автор, допускает исключение национальных норм в случае выбора сторонами договора “*lex mercatoria*”, забывая о том, что в ЕС и отдельных государствах действует множество сверхоперативных норм, в частности, о праве на компенсацию торговому представителю в случае расторжения договора с ним. В этой части хотелось бы услышать мнение самого Автора, хотя такое мнение и встречается в отдельной главе диссертации.

В главе 2 «Международно-правовая унификация материально-правовых норм о добровольном представительстве в международном коммерческом обороте» приводится авторский анализ закономерностей и выводятся тенденции универсального и регионального унифицированного регулирования внешних и внутренних отношений коммерческого представительства в документах обязательного характера.

Выделяется острая проблема восприятия в европейских правовых порядках англо-американских идей о компенсации убытков третьему лицу в случае отсутствия полномочий представителя, поскольку для целей унификации материальных норм они едва ли могли подойти из-за связывания исполнением последнего лично.

Интересным представляется ретроспективное исследование Автора результатов работы УНИДРУА, в частности, в диссертации приводятся проекты документов и отчетов, которые не нашли поддержки внутри организации и рабочих групп, что свидетельствует либо об отсутствии острой проблемы в международном коммерческом обороте, либо о сложном переговорном процессе между разработчиками (страницы 67 -70), на фоне которой Женевская конвенция 1983 года достигает апогея в этой связи (страница 74).

Во втором параграфе «Унификация правового регулирования добровольного представительства в Европейском Союзе» рассмотрены основные положения Директивы 86/653/ЕЕС о независимых коммерческих агентах, в том числе разъяснения Суда ЕС.

Представляется, что проведенный в этом параграфе анализ является системным и логичным, а приведенные разъяснения суда вносят единообразие в толкование комментируемых европейских правил и в понимание материала при прочтении. Так, верно было отмечено, что полномочие европейского коммерческого агента на заключение договора является факультативным (стр. 80), поскольку, по мнению разработчиков названной директивы, ведение переговоров (посредничество) является основным предметом договора, а представительство требует специального акта (уполномочия).

Затем Автор переходит к третьей главе, в которой исследованы закономерности, специфика и тенденции международного негосударственного регулирования внешних и внутренних отношений коммерческого представительства.

В ней отмечен раздел о полномочиях представителей Принципов УНИДРУА, в котором учтен опыт подготовки предшествующих унификационных актов, и Автор приходит к выводу, что в силу приобретения Принципами характера общепризнанного источника международного частного права они выступают «как основной международный регулятор внешних отношений трансграничного коммерческого представительства».

В этой части хотелось бы отметить существенность проделанной работы, вклад диссертанта, заключающийся в проведенном анализе и сопоставлении актов “*lex mercatoria*”, что позволило выявить общие черты для института договорного представительства и тенденции, отраженные сквозь время принятия актов, т.е. показать развитие общих взглядов на этот институт.

Несмотря на то, что актуальность Принципов УНИДРУА в научной среде достаточно преувеличена, нужно признать, что они действительно могут помочь при толковании иностранного права, однако в практике российских судов ссылок на них все же крайне мало.

Вместе с тем, не всегда понятно, на какую из редакций Принципов УНИДРУА делается ссылка (страницы 99 - 100), однако следует допустить, что на последнюю.

Мне также не удастся согласиться с Автором о том, что конструкция «со стороны лица», используемая в Модельных правилах (IV.E.301), может означать и «косвенное представительство», поскольку в английской версии директивы используется такой же перевод (*on behalf of*). Проблема заключается в том, что английские юристы обычно не используют конструкцию “*in the name*” (см.: “*Industry Research and Development Board v Phai See Investments Pty Limited*” 2001 года), однако в этой части исследования вывод Автора не связан с общим результатом, целью и задачами, а скорее является заметкой.

Интересным для читателя представляется анализ влияния советского права на государства СНГ в части использования привязки по месту выдачи

доверенности, который позволяет в дальнейшем выделить на практике уровень влияния и глубину заложенных советскими нормами подходов.

Затем Автор переходит к основной по существенности научной и практической значимости четвертой главе, в которой кульминацией исследования являются выводы, выносимые на защиту, включая обоснования к ним.

Заслуживает восхищения глубина анализа этой главы и количество первоисточников, к которым обращается диссертант. Так, подробно рассмотрены преимущества и недостатки применения акцессорных привязок, рассмотрен опыт определения применимого права к доверенности на примере множества иностранных государств. Системность изложенного материала основана на рассмотрении диссертантом известных самостоятельных коллизионных привязок, предлагающихся различными специалистами в разное время (привязка к праву страны места выдачи доверенности; привязка к праву страны места жительства или основного места деятельности представляемого; привязка к праву страны места осуществления представителем своих полномочий; привязка к праву страны места жительства или основного места деятельности представителя).

Кроме того, в ходе исследования Автор приводит интересные с научной точки зрения рассуждения о применении принципа наиболее тесной связи ст. 4 Регламента Рим I к отношениям с агентом-представителем (стр. 170), и работа могла бы только выиграть, если бы приводилась иностранная правоприменительная практика, иллюстрирующая такие ситуации.

Вместе с тем, в этой главе выделяется несколько спорных моментов. Так, некорректен вывод о том, что отношения представительства регулируются нормами о договорах Закона Швейцарии об МЧП (стр. 182), поскольку комментируемые нормы имеют коллизионный характер и содержат только отсылки. Весьма смелым можно назвать вывод о том, что суды Венесуэлы должны применять международные обычаи, поскольку в комментируемом

Законе Венесуэлы об МЧП содержится формулировка, что такие обычаи «учитываются», то есть принимаются во внимание (обычно) при толковании норм и поведения сторон (стр. 184).

Верно отмечает диссертант, что выбор применимого права ГК РФ ограничивает только правом иностранного государства, исключая тем самым международный обычай, с учетом ограничений пп. 3 и 4 ст. 1217.1 ГК РФ (страница 187). Этот весьма строгий подход критиковался в разное время, однако он основывается на сложившейся судебной практике, поскольку судам и законодателю виделось, что так будет проще для функционирования всей системы.

Сложно согласиться с Автором в части обоснованности и целесообразности расширения правил п. 2 ст. 1271.1 ГК РФ и предоставления возможности выбора вненационального права, поскольку ГК РФ таких конструкций по технике обычно не содержит, а сами обычаи считаются либо составной частью применимого права (и тогда должны признаваться Российской Федерацией), либо неразрывно связаны с исполняемым основным договором по смыслу п. 11 ст. 1211 ГК РФ.

Так, применение к отношениям из доверенности международного обычая в отсутствие договора виделось бы крайне редкой ситуацией, хотя на научную состоятельность предложенного Автором подхода это и не влияет. Едва ли участники оборота сами пожелают ссылаться на такие обычаи или будут выбирать их самостоятельно. Однако вывод Автора можно считать новым и достойным обсуждения, поскольку польза от заявленных предложений может превышать известные для правоприменения риски.

Автором выделяется практическая проблема определения способа фиксации места жительства и основного места деятельности, а также связанного с ними момента определения. Автор затрагивает сложный практический вопрос общего характера, который надлежит разрешать судам не только в случае представительства (в частности статьи 1211 ГК РФ, 1217 ГК РФ, 1224 ГК РФ).

Здесь надлежит учитывать, что само по себе место жительства согласно норме ст. 20 ГК РФ определено как место постоянного или преимущественного проживания лица. Так, если такое место меняется, суды руководствуются (обычно) наличием преимущественной связи физического лица с тем или иным государством, и на практике крайне редко такая связь будет разделяться более чем с двумя государствами. Поэтому судами (обычно) будет приниматься во внимание тот преимущественный период проживания в одной стране, который больше, чем любой другой (даже если таких периодов и государств несколько).

Однако приведенное мной рассуждение не было препятствием для принятия аналогичных коллизионных правил в Германии. Так, германский Вводный закон к ГУ в ст. 8 абз. 2 предусматривает уточнение для трудовой группы представительских отношений: *«...применяются соответствующие положения государства, в котором представляемый имеет свое обычное место жительства на момент предоставления полномочия, за исключением случаев, если третьей стороне не известно о таком месте жительства.»*. При этом для длительного [*im Falle einer auf Dauer angelegten Vollmacht*] общегражданского полномочия (или доверенности) подлежит применению право того государства, в котором оно (или доверенность) обычно применяется (абз. 4).

Таким образом, конструкция определения отношения по праву страны, где представитель имел место жительства или основное место деятельности в момент вступления в переговоры с третьим лицом представляется новой и может иметь самостоятельное обоснование, которое Автор раскрывает в своей работе. Возможно данную конструкцию целесообразно дополнить каталогом уточнений, поскольку переговоры относятся к преддоговорному типу отношения, а выдача доверенности и совершение сделки в пределах предоставленного полномочия могли бы стать отдельными случаями для отсылки и определения момента, однако это относится к дискуссионным вопросам и развивает идею Автора.

Хотелось бы отметить, что проблематика, которую затрагивает Автор в части предложений о совершенствовании коллизионных правил для случаев представительства является одной из самых замысловатых в науке и практике МЧП. Во многих документах тематических групп, работающих над иностранными гражданскими кодификациями, такие вопросы либо зачастую исключаются и переносятся из повестки обсуждения (т.е. участники не могут найти решение или прийти к общему выводу), либо выносятся для отдельных обсуждений и рабочих групп. Поэтому можно только приветствовать охват иностранного опыта и проведенное Автором исследование, а также глубину анализа затронутой проблематики.

Выносимые на защиту положения обладают необходимой научной новизной и актуальностью, содержат новые научные результаты и свидетельствуют о личном вкладе Автора диссертации в науку.

В качестве дискуссионных можно выделить следующие вопросы, ответы на которые хотелось бы получить в ходе публичной защиты:

1) Являются ли термины «коммерческий агент», «коммерческий представитель» и «торговый представитель» идентичными? Автор обращается ко множеству из данных понятий, используя идентичные переводы для иностранных правопорядков, однако хотелось бы услышать пояснения Автора.

2) В первом тезисе (предложении) и по тексту диссертации Автор использует термин «трансграничный». Является ли этот термин идентичным термину «международный»? При выявлении признаков (черт) коммерческого представительства является ли обязательным заключение сделок таким представителем с третьим лицом? Нужно ли уточнение о предоставлении полномочия?

3) Что понимается под свободой поведения коммерческого агента во втором тезисе (предложении)? Чем может быть ограничена такая свобода?

4) Хотелось уточнить, что имеется в виду в четвертом тезисе (предложении), когда Автор предлагает использование Модельного закона в

качестве выбранного сторонами права? Предлагается допустимость распространения “*lex mercatoria*” на представительское отношение (представляемый-представитель-третье лицо) или полная альтернативность выбора?

5) Означает ли, что в Российской Федерации должны закрепиться нормы о коммерческом агентском договоре? Дистанцирует ли Автор коммерческое представительство от коммерческого агентирования? Как данные нормы предлагается сочетать со специальными положениями о коммерческом представителе (п. 3 ст. 972 ГК РФ, п. 3 ст. 973 ГК РФ и п.п. 2 и 3 ст. 978 ГК РФ) и отдельными законами?

Вместе с тем оппонент приходит к выводу о высокой степени обоснованности научных положений, большинство выводов, сформулированных в диссертации, обладают достоверностью и новизной.

Хотелось бы отдельно отметить научный вклад Автора, который заключается во внушительном объеме публикаций по выбранной теме, на фоне которых представленная диссертация видится самостоятельным, интересным и полезным в практической сфере исследованием.

К числу технических замечаний следует отнести то, что Автор не ввел сокращение для МКАС при ТПП, однако названное замечание является несущественным и не влияет на качество работы в целом.

Автореферат диссертации отражает основное содержание диссертации и сформулированные в ней выводы.

Таким образом, диссертация является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки международного частного права. Цели и задачи, заявленные диссертантом во введении, достигнуты.

Диссертация Власовой Наталии Викторовны на тему «Добровольное представительство в международном коммерческом обороте» отвечает всем

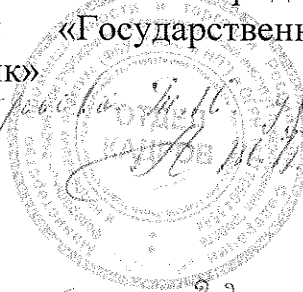
требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 11.09.2021), предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». Автор диссертации, Власова Наталия Викторовна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Официальный оппонент:

Кандидат юридических наук, заместитель начальника юридического отдела Федерального бюджетного учреждения «Государственный институт лекарственных средств и надлежащих практик»

Тимур Юрьевич Григорьев

11.11

Григорьев Тимур Юрьевич

« 22 » *сентября* 2021 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Адрес места работы: 109044, г. Москва, Лавров переулок, д. 6, Федеральное бюджетное учреждение «Государственный институт лекарственных средств и надлежащих практик», юридический отдел.

Контактные данные:

Тел.: +7 (495) 676-43-60; e-mail: info@gilsinp.ru